

УДК 81'42:821.161.1Астафьев7

**ИНТЕНСИВЫ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ МНОГОСЛОЙНОСТИ КОНЦЕПТА
В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА***И. В. Ревенко***INTENSIVES AS THE SOURCE OF LAMINATED CONCEPT EXPLICATION
IN THE MILITARY PROSE OF V. P. ASTAFJEV***I. V. Revenko*

Статья посвящена описанию концепта «война» в военной прозе В. П. Астафьева. В статье выявляется языковая реализация смысловых слоёв концепта «война» путём выделения интенсивов. Анализируется роль разноуровневых средств выражения категории «интенсивность» в построении семантических слоёв эмоциональных концептов.

The article is devoted to the description of the concept “war” in the military prose of V. P. Astafjev. The article deals with the linguistic realization of semantic layers of the concept “war” through pointing out intensives. The role of many-leveled means of expressing the category “intensiveness” in building semantic layers of emotional concepts is analyzed.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, категория «интенсивность», языковая личность.

Key words: concept, concept-sphere, category “intensiveness”, language personality.

Интерес к исследованию концептов, характерный для современной лингвистики, в немалой степени обусловлен тем, что изучение концептосферы и даже отдельного концепта дает очень важную информацию, связанную с репрезентацией языковой личности.

Цель данной статьи состоит в выявлении роли интенсивов при реализации смысловых слоев концепта «война» в произведениях В. П. Астафьева. Представляя собой многослойную структуру, концепт раскрывается при активизации его смысловых слоев. Особенность представления концепта в художественном произведении заключается в том, что на первый план могут выдвигаться не только прототипические признаки концепта, но и его периферийные смысловые слои. Это позволяет автору актуализировать значимые для данного контекста признаки. Подтверждением тому является дифференциация при выдвигении в качестве базовых разных признаков при отражении восприятия войны в тылу и на передовой. Описания проявлений войны в тылу построены на актуализации смысла «война – это беда». В описаниях военных действий «война – это боль, смерть, ужас». Такая дифференциация ведет к расширению активной семантической зоны концепта, что позволяет автору актуализировать имплицитные содержательные признаки. К числу таких признаков в военной прозе В. П. Астафьева следует отнести непостижимость войны для человеческого разума. Автор пытается осмыслить войну спустя много лет, когда смолкли громы сражений, затянулись старые раны, притупилась боль утрат. Осмыслить пережитое с позиций не юнца, склонного романтизировать все, что его окружает, а человека, умудренного опытом. Но и теперь, когда многое понято и переосмыслено в жизни, война остается непостижимой:

Война, война! Никак не хватало моего ума постичь, осмыслить ее (Где-то гремит война).

Война в представлении Виктора Петровича – глобальное явление. Война всеохватна, она везде и всюду. Она ставит людей в такие условия, что основной целью для всех и каждого становится сохранение жизни:

Всегда думал, что война – это бой, стрельба, рукопашная, но там где-то далеко-далеко. А она вот как – везде и всюду, по всей земле моей ходуном ходит, всех к борьбе за жизнь требует и ко всякому своим обликом поворачивается (Где-то гремит война).

Экспликация смысла всеохватности войны происходит в данном контексте за счет использования устойчивых выражений интенсивной семантики (*везде и всюду, ходуном ходит*). Интенсивность в данном случае носит плеонастический характер, поскольку оба выражения построены по принципу семантического удвоения, возникающего за счет столкновения синонимов или в результате тавтологического повтора.

Стремление к сохранению жизни становится общим признаком, который снимает антиномичность «тыл – фронт».

Беда – одно из проявлений войны. Непосредственным знаком беды является похоронка:

Скоро Августа скажет о своей беде. По ее лицу, по конопатым щекам, землисто подернутым, по губам тоже ровно бы землей выпачканным, как будто съела она немытую морковь, и по глазам, в которых больная горячность и темь, догадаться нетрудно, какая беда тут стряслась. Однако не хочется мне верить в нее, я боюсь услышать об этой беде и потому прячусь за трубу русской печки...

- Похоронная пришла, - не поднимая головы, тихо обронила Августа и убрала изо рта шерстку (Где-то гремит война).

Повтор-инкрустация передает изменение состояния героя: от предчувствия беды до осознания ее неотвратимости и реальности.

Война заставляет людей жить в постоянном ожидании беды:

Бедя ведь в одиночку не ходит. Одну не успела впустишь, другая в ставни буцкает... (там же).

Это ожидание пронизывает все вокруг:

И птицы почему-то не склевали ягоды, а ведь калина из тех ягод, которые они склевывают раньше других и охотнее других. Видно и птицы покинули забедованную землю...;

*Космы берез обвисли до белой земли, и хотя много их, этих крупных, несрубленных берез, все же кажутся они одинокими. **Вдовьей грустью** наносит от них (Где-то гремит война).*

Война – это испытание:

*... Там, в ночной остановившейся тайге, я угадал, что долгой будет война и на долю нашего народа, а это значит – прежде всего на женскую долю, падут **такие** тяжести и испытания, **какие** только нашим русским бабам и посильны. А у тетки моей родной будет всего **столько**, что и я, лучше других ее знающий, дивоваться стану, как это она выдюжила и сохранила детей (Где-то гремит война).*

Синтаксические конструкции (местоименные и местоименно-соотносительные предложения) выступают в качестве показателя высокой степени интенсивности. Местоимение **такие** занимает именную позицию, определяя существительные градационной семантики, указывает на предельно высокую степень проявления признака.

Война – это страдание, боль. Содержательная сторона мотива «боль» раскрывается в двух значениях: боль физическая и боль душевная.

Боль физическая вызвана ранением:

*... Ночь будет ему казаться бесконечной, а **боль такой, какой ни у него и ни у кого другого еще не было**, потому что прошлую **боль** он забыл и потому что **боль своя больнее всех** (Сашка Лебедев).*

Раненому солдату кажется, что он может чувствовать только боль, бесконечную боль. Для выражения длительности этого состояния автор использует повтор и гиперболизированный эпитет (*бесконечная*). Боль не только бесконечная, она еще и очень сильная. Предельная степень интенсивности боли выражается при помощи местоименно-соотносительного предложения (***боль такой, какой ни у него и ни у кого другого еще не было***) и аналитической формы превосходной степени предикатива.

Актуализация значения душевная боль тесно связана с мотивом смерти. Боль душевная вызвана утратой близкого человека:

*Отца нет. Он погиб в Белоруссии. Пуля, попавшая в него, рикошетом дошла до Сибири и **смертельно ранила мать** (Сашка Лебедев).*

Душевная боль связана в военной прозе В. П. Астафьева с сожалением по поводу бессмысленности смерти:

... Ах, какой мозговитый, какой разворотливый боец получился бы из Еремея, может выжил бы на войне, детей толковых нарожал... (Прокляты и убиты).

Если смерть на поле боя имеет какой-то смысл, то смерть братьев Снегиревых поражает своей неоправданной жестокостью.

Столь же бессмысленна и смерть Попцова. В описании последних мгновений его жизни актуализируется содержательный признак «смерть – это извращение» (роман «Прокляты и убиты»):

*С **мученическим облегчением** Попцов сделал короткий выдох и отвернулся от всех, зарывшись носом в песок со снегом...*

*Может, и хорошо, что он **отмучался**? Добил его дубарь, помог ему... Он, слава Богу, уже не познает ужаса боя, никто не подденет его на штык, не всадит пулю ему в грудь. «Царство тебе небесное, парень. Лежишь вот сейчас в полковом морге, в ямине глубокой в полу валяешься, и **ничего-то тебе не больно, жрать уже не хочется, братья солдаты не рычат, не бьют тебя, мокрого**» (Прокляты и убиты).*

Описания смерти у В. П. Астафьева отличаются яркой натуралистичностью и воссоздают ощущение ужаса, который вызывает у человека ее осознание:

*... Значение происшедшего медленно доходило до них, **коробило сознание ужасом** (там же).*

Осознание смерти неизбежно ведет к пониманию ее необратимости:

*... Закаменело в груди людей всякое чувство, всякое время остановилось, пространство опустело. «**Все!**» - стукнулось тупой твердью в грудь, рассыпаясь на какие-то тошнотные пузырьки, покапало в сердце, засадило его той душистой слизью, которая не пропускала не только дыхание, но даже и ощущение боли (Прокляты и убиты).*

Два полюса, две стороны войны – тыл и фронт как нелокализованные пространства-состояния – представлены двумя разными сторонами одного явления, а между ними автор помещает своего рода междумирье – казарму. В романе «Прокляты и убиты» описание казарменного быта представлено в виде соотношения казарма – тюрьма. Казарменный быт мало отличается от тюремного. Он изменяет человека:

Душу Лешки посетило то, что должно поселиться в казарме и в тюрьме, – вялое согласие со всем происходящим... (там же).

В описаниях казармы и жизни солдат в ней реализуется содержательные признаки «казарма – могила»:

*По обе стороны печи жердь нар было закопчено, но на торцах, упрямо **белеющих костями**, как бы уже побывавшими в могиле, выступала сера. Чуть слышимый запах серы да слежавшейся хвои на нарах – вместо постели тоже настелены жесткие ветки – разбавляли запахи гнили, праха и острой молодой мочи (Прокляты и убиты),*

«казарма – проклятое место»:

Но подвалы сии ни пламя, ни проклятье земное, ни силы небесные не брали, лишь время было для них губительно – созревая, они покорно оседали в песчаную почву со всем своим скудным скарбом, с копошащимся в них народом, точно злоеющие гробы обреченно погружались в бездонные пучины (там же).

Казарменный быт – самый страшный, самый противостоительственный. Он страшен тем, что в казарме жизнь как таковая обезличивается: человек, выполняющий обезличенные обязанности, делающий обезличенный, почти не имеющий смысла и пользы труд, сам становится безликим, таким истуканом, давно и незамысловато кем-то вылепленным, и жизнь его превращается в серую пылинку, вращающуюся в таком же сером, густом, облаке пыли (там же).

Лексический дистантный повтор (*обезличивается, обезличенные, обезличенный*), осложненный включением семантически и этимологически близкого слова (*безликим*) является средством актуализации авторской позиции: для Виктора Петровича самое страшное – утрата лица, т.е. утрата себя. Повтор родственных слов выводит нас на имплицитный семантический признак, связанный с апелляцией к производному значению лексемы «лицо» – персона, человек. Т. о., утрата себя в понимании писателя – это утрата души, а вместе с ней и постепенное превращение человека в животное.

Война – это голод:

Что делается вокруг? Зима. Голодуха (Где-то гремит война);

Получивши на месяц муку, женщины замешивали ее в одну кашину, стряпали вкусно, пышно, ели кому сколько влезет, а после пухли без еды (там же).

Голод доводит людей до того, что они теряют человеческий облик:

... *Изможденные люди подбирали крошки, объедки со столов и под столами;*

... *Доходяги утратили всякое человеческое достоинство, забыли, где они и зачем есть, дошли до помоек, отбросных ларей...* (Прокляты и убиты),
изменяют религиозным запретам:

Но и неистовые азиаты, больше других страдающие от холода и недоеда, один по одному сдавались: сначала начали хлебать суп, сваренный со свиной, потом и мясо, отвернувшись, украдчиво бросали в рот... И пришел срок, когда Талгат повелительно сказал:

- Сайтын айгыр! (Черт бы тебя побрал!) Ешьте все! Аллах разрешил из-за трудности момента. Ослабеете, будете, как они, – презрительно махнул он ложкой на сзади толпящихся, ждущих подачки доходяг (там же).

Формально-семантический интенсификатор *доходяги* выполняет в романе «Прокляты и убиты» смыслообразующую функцию. Частотность употребления и использование синтаксических средств интенсификации высказывания (повтора) позволяют автору отразить увеличение числа доходяг в рядах новобранцев:

С каждым месяцем, неделей, днем прибывало и прибывало в полку доходяг (там же)

и показать бессмысленность военной подготовки такого рода, ведь постепенно все, даже богатырь Коля Рындин, превращаются в доходяг. А истощенность физическая влечет за собой и моральную истощенность. В результате новобранцы превращаются в доходяг не только телом, но и духом:

Щусь был все-таки прирожденным талантом, на постылых занятиях ему удавалось расшевелить, даже увлечь этих ко всему уже, кроме еды и сна, равнодушных людей, за короткий срок превратившихся в полубольных согбенных старичков с потухшими глазами, хрипящим от простуды дыханием, все гуце по лицу обрастающих пухом, все тупее воспринимающих окружающую действительность (Прокляты и убиты).

В текстах вместо прямой номинации «война» используется заменитель. В качестве заменителя выступает конструкция *такое время*:

Такое уж время наступило (Где-то гремит война);

Народу этому надо было выжить в такое тягелое время (там же).

В качестве заменителя прямой номинации используются также указательные местоимения:

(1) *Они пекли картошку в горячем шлаке, недавно выброшенном из топки, и поносили тыловика-кочегара: побывал бы, дескать, «там», так осознал бы...* (Сашка Лебедев);

(2) *Ныне он чувствовал: скоро, совсем скоро предстоит ему снова туда, в пекло* (Прокляты и убиты).

Прием замещения связан с характерным для наивной картины мира табуированием: избирательным исключением из речи прямого упоминания опасных явлений.

В примере (2) используются два различных по функции заменителя. Указательное местоимение связано с табуированием и поэтому (и в силу специфики грамматического значения) не передает никаких содержательных признаков, при помощи заменителя *в пекло* актуализируется содержательный признак «война – это ад»:

– Бога она вспомнила! – рычал я. – Отвернулся он от этого места. Ад тут!.. (Сорока).

Война *принуждает людей делать как раз больше всего то, что им делать не по душе* (Где-то гремит война), она ставит их в такие условия, что они вынуждены убивать друг друга, совершая тем самым смертный грех.

Причина всему – безверие, а результат – невиданная кара:

...Многие, многие в миру дьявола в себя запустили, до безверия дойдя, сами себе подписали приговор на вечные муки, и вот смотрите, чем это кончилось, иначе и не могло кончиться, – страшной казармой, озверением, – ныне он вот, Коля Рындин, и пытается вспоминать, Бога просить о милости к служивым, но тот не допускает его молитву до высоты небесной, карает его вместе со всеми ребятами невиданной карой, голодью, вшами, скопцем людей, превращенных в животных (Прокляты и убиты).

Содержательный признак «война – это грех» актуализируется за счет использования церковной лексики, в том числе интенсивной (*в миру, дьявол, безверие, вечные муки, Бога просить о милости, молитва, кара*). В сознании верующего человека грех

без покаяния неизбежно карается. И карой этой будет утрата души.

Мотив кары раскрывается градационным рядом, построенным по принципу «нагнетания» (каждый следующий член ряда указывает на большую степень интенсивности): *страшной казармой, озверением, голодью, вилами, скопцем людей, превращенных в животных*. Конечный элемент ряда репрезентирует значение предельно высокой степени: утрата веры ведет к утрате души, к озверению – превращению человека в животное.

В произведениях В. П. Астафьева война представлена как многослойная семантическая структура, экспликация которой происходит через актуализацию значимых в авторском понимании признаков, таких как «беда», «испытание», «голод», «боль», «смерть», «ужас». Война представлена как явление, которое «к каждому своим боком поворачивается», отсюда дифференциация при выдвигении на первый план семантических признаков при изображе-

нии войны в тылу и на передовой. Языковая реализация смысловых слоев концепта осуществляется посредством интенсификов. Привлечение интенсификов, относящихся к разным уровням языковой системы, для реализации концепта «война» является вполне закономерным. Семантические слои концепта, взятые самостоятельно, могут быть интерпретированы как эмоциональные концепты (например, беда, боль, ужас), для которых характерна разная степень полноты и глубины. Категория интенсивности, являясь средством выражения градации, позволяет наиболее полно отразить данный семантический признак.

Литература

1. Астафьев, В. П. Проза войны / В. П. Астафьев. – Иркутск: Литера, 1993. – Т. 1.

Рецензент – Е. В. Кишина, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».